

РАССКАЗЫ О ТРУДОВОЙ СЛАВЕ

МАСТЕР цеха за-
кончила деловую
часть разговора и от-
личила призывами,
сидевшими в кабинете.

— А это, девчата,
для вас, — сказала
она и выложила на зе-
леное сукно стола гру-
ду новеньких альбомов.

Комната сразу на-
полнилась веселым го-
моном. Каждая работ-
ница потянулась за ко-
смыки...

Дружелюбное «дев-
чата» относилось ко
всем, независимо от
возраста. И в 60-ле-
тии Анастасии Ива-
новне Покрасило в ой
бригаду вязальщиц
первой придили и о че-
фабрики.

Не акты какая цен-
ность сама по себе — ко-
смыки. Но, получивши
по случаю какого-либо
радостного события
на фабрике, она становится дорога своей памятью о нем. И
тут уж никакие напо-
рны по своей значи-
мости не могут срав-
ниться со скромным
куском стати.

Алая косынка...
Ее повязывают оди-
временно сотни тек-
стильщиц; она являет-
ся символическим воз-
награждением за их
большой и совместный
труд.

Не одну такую ко-
смыку получила на
своем веку Анастасия
Ивановна. Правда, они Таися: — Разве здесь ти-

многочисленными гра-
мотами, полученными
ею за отличный труд,
а лежат в комоде по
соседству с полотенца-
ми и салфетками. Но
каждая хранится и
каждая свидетельству-
ет о важной вехе в ее
прожитой жизни.

Глянет на косынку
ткачих и вспом-
нит ту пору, когда бы-
ла еще не Анастасии
кофы...

ТЕКСТИЛЬЩИЦА

Ивановной, а просто
скорее назначили бри-
гадиром.

Анастасия Ивановна
участвовала в пуске
второй, третьей сите-
печаточных фабрик. На
третью придили ее
послали в качестве ор-
ганизатора коллектива

чеха. Бригадир рассудил:
надо самой знать все
специальности. И из-
училась она управлять
ленточными, мелточно-
соединительными, рол-
ническими и другими
станками. Все эти про-
изводственные навыки
были, конечно, очень
пригодились.

В годы войны, когда
на комбинате не хва-
тала людей, Анастасия
Ивановна всегда была
там, где наиболее
трудно. Приходилось

— удивляться и
удивляться: «Такая
худенькая, а от мужи-
ков в работе не отстает».

Но удивлялась и
удивлялась Анастасия
Ивановна в первую

— очередь предстаётся
путь впереди.

Р. МУСТАФИН.

Было?

Было

Иван Буланов

Прозрение

РАССКАЗ

В СПРЕТИЛ меня Василий вежливо (зиндимо), Люся предупредила о моем желании побывать здесь). Поднялся стул. Седаясь, мол, у нас секрета нет. Однако единственный глаз его так и сверлил меня.

Люся сидела на длинной скамейке рядом с очкасткой «сестрой». Исподлобья поглядывая на меня, она сказала: «Братик, я в школе, подняла руку.

— Можно вопрос?

Пресвитер поднял глаза — не разберешь, какой из них стеклами, а каков настоящий. Изобразил сусальную улыбочку.

— Отчего же нельзя?

— Вы говорите, Инсус был коммунистом. Знает, он за мир!

— Не было мироплюбивее нашего учителя.

— А почему же он заявлял: «Не мир пришел я принести, но меня?»

Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

Пресвитер поднял па-

тильце, словно погрозить фильм, Люся-хон, замечательный, пойдешь? Она только рукой махнула: откажусь, мол.

— Отозвал я Люсию в сторонку.

— Сходила бы ты в самом деле со всеми, развеялась.

— Вы же знаете, Андрей Кузьмич, нельзя мне.

— Почему нельзя?

— Брат Василий говорил: грек, дьявольская потеха.

— Они и сейчас мне помогают, лечат...

— Для того и помочь, чтобы вовлечь в свое болото. А потом и с тобой погнут. Пресвитер-то не молчавым заговором наел.

— Он и сейчас мне добрался, сразу глазами наверх. А в кабине крана никого.

— Где же Люся?

— Да нет что-то...

— Не пришла к обеденному первому. В чём дело? Тут меня кто-то окликнул. Это был Иргаш.

— Андрей-ака, вы не знаете, что с Люсией Кин-книбүдь обидел?

— Обидел или не обидел, еще не знаю.

— А вообще-то она в страшном темноте живет...

— Сложившись, что чуток былое, добрая, добродушная девочка, ушла, чтобы наплакаться где-нибудь, где никто не увидит.

— Ну, чай!

— Открыла на закладке, зашевелила губами:

«Сказываю вам, что там, на небесах, более радости будет об одном

грешнике кающихся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» — вскинула блестящие глаза.

— А они-то пугают!..

— Дочка у меня... еле душа теплится... на-казывает мне, — с каким-то надрывом выдохнула Люся и ушла.

Ушла, чтобы наплакаться в спорах по атеистическим вопросам.

— Как это налево и направо? Ведь грешникам угодовано...

Протянула я ей свое «хлоподевое» малоязычное евангелие — оно не раз выручало меня в спорах по атеистическим вопросам.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.

Он полистал книгу и прочитал: «Я посыюсь вашей погибели, пародируясь, когда придет на вас ужас, как буря, пронесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать: Меня, и Я не услышу...»

— Вот видите, что услышит господь, ибо тогда уже будет поздно.

Поздно для тех, кто худит веру, отказывается от бога — творца нашей жизни...

— Но, — сказал я, — я в школе, подняла руку.

— Сконфуженный проповедник переступил на ногу.

— Да, в святом писании говорится и о мне, и о крестьяне небесной.